

Л.С. Выготский указывал на то, что ребенка как активного участника социальной жизни невозможно познать лишь за счет изучения чисто внешних условий и обстоятельств его жизни, так как они почти не меняются в течение детства. Поэтому гораздо важнее анализировать внутренний план отражения этой среды и обстоятельств жизни. Но для этого необходимо, с его точки зрения, поиск «ведущих единиц», в которых были бы отражены свойства единства личности ребенка и среды. «Переживания ребенка и есть такая простейшая единица, относительно которой нельзя сказать, что она собой представляет – средовое влияние на ребенка или его особенность. Переживание надо понимать как внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности»⁵.

Потребность в познании себя является одной из фундаментальных для человека. Это знание создает основу, фундамент для запуска механизмов саморазвития и самореализации. Очевидно значение научного осмысления формирования образа Я личнос-

ти как управляемого процесса, позволяющего ребенку успешно преодолеть психологический переход от эгоцентризма к децентрации. Способность к децентрации и рефлексии важна для полноценного становления образа Я. Рефлексия усиливает самоконтроль и делает более возможным приспособление к социально разделяемой системе моральных правил. Замена внешнего контроля на внутренний дает ребенку большую самостоятельность, учит видеть мир с точки зрения другого человека.

Примечания

¹ См.: *Фельдштейн Д.И.* Социальное развитие в пространстве-времени детства. М., 1997.

² См.: *Галигузова Л.Н., Смирнова Е.О.* Ступени общения: от года до шести. М., 1996.

³ См.: *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 1998.

⁴ См.: *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.; Воронеж, 1999.

⁵ См.: *Выготский Л.С.* Развитие личности и мировоззрение ребенка // *Выготский Л.С.* Психология личности: В 2 т. Самара, 1999. Т.2.

УДК 316.61

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ

А.Ф. Пантелеев

Саратовский государственный университет
E-mail: AFP45@mail.ru

В статье изложены результаты сравнения двух проведенных с интервалом в 21 год (1985 и 2006 гг.) исследований восприятия изображений неопределенной формы. Полученные данные свидетельствуют о характерных изменениях психологии на перцептивном уровне, которые автор связывает с социально-экономическими переменами в России и рассматривает как эмпирическое подтверждение концепции Л.С. Выготского.

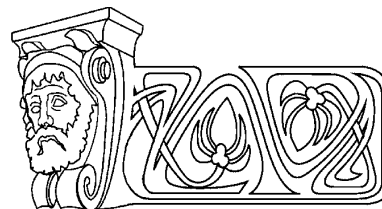
Ключевые слова: концепция Л.С. Выготского, перцепция, социально-экономические изменения.

Temporal Aspect of Perception

A.F. Panteleev

The article includes the comparative results of 2 researches at 21-year interval (1985 and 2006) on getting a perception of a vague picture. The results proved the existence of typical changes in psychology at the stage of perception that were connected with the social and economic reforms, taken place in Russia, and were considered by the author to be the empirical confirmations of L.S. Vygotsky's concept.

Key words: L.S. Vygotsky's concept, perception, social and economic reforms.

Проблема исторического развития психики была и остается одной из актуальных. В отечественной психологии она разрабатывалась в основном в рамках культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и нашла свое продолжение в трудах А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.Г. Асмолова и других. Одно из положений этой концепции заключается в том, что социальная среда оказывает перво-степенное влияние на развитие психики человека, изменения социальной среды создают условия для изменения психики. По мнению А.Р. Лурия, исторически складывающиеся формы психической жизни человека испытывают все большее влияние со стороны общественной практики, «опосредуются системой орудий, с помощью которых чело-

век воздействует на среду, и вещей, которые являются продуктом жизни прежних поколений»¹.

С.Л. Рубинштейн² утверждал, что человеческое восприятие исторично и на данной ступени развития вырастает на основе опосредования его всей прошлой общественной практикой, которая направляет и формирует восприятие, и констатировал зависимость образа рецепции от образа действия. Последнее и выступает в виде зависимости специфически человеческого восприятия и его развития от развития общественной практики.

Б.Г. Ананьев, обсуждая проблему исторического развития психики, отметил: «объективное, социально-экономическое различие между событиями в ходе исторического развития определяет различия между поколениями людей, живущих в одной и той же общественной среде, но проходивших и проходящих одну и ту же возрастную фазу в изменяющихся обстоятельствах общественного развития»³.

Требование учета всех обстоятельств жизни, обуславливающих перцептивный процесс, остается необходимым при изучении восприятия и в настоящее время. К примеру, в работах В.А. Барабанщикова⁴, В.Н. Носулленко оно выступает как необходимость внимания к «экологичности» объекта восприятия.

Одним из важных каналов воздействия общественной практики на психику является культура как совокупность материальных и духовных достижений, накопленных обществом и служащих его дальнейшему прогрессу.

Л.Н. Гумилев подметил важное в психологическом смысле свойство культуры – поддержку её существования действием: «Культура существует, но не живет, ибо без введения в нее творческой энергии людей она может либо сохраняться, либо разрушаться. Но эта “нежить” влияет на сознание своих создателей, лепит из него причудливые формы и затем штампует их до тех пор, пока потомки не перестают ее воспринимать»⁵.

Основными исторически сложившимися средствами передачи опыта от одного поколения к другому служат воспитание и обучение. Заботу о содержании сознания человека

в России в разные исторические эпохи брали на себя государство, церковь, в советское время – политическая партия. М.К. Мамардашвили в связи с проблемой формирования «нового человека» отметил, что при ее решении кто-то другой знает, что человеку хорошо, а что – плохо, «и этот “знающий” может перенести свое знание решительными действиями в жизнь другого, кроить и перекраивать её»⁶. Критически относящийся к формированию «нового человека» и отстаивающий «человека психологического», В.П. Зинченко отметил, что в послереволюционной России «заместившая сознание идеология формировала не “нового человека” по М. Горькому, а “серого человека” по М. Зощенко»⁷. Тем не менее проекты идеологического воздействия на сознание постоянно обновляются и в той или иной мере реализуются. Характерными признаками этого в настоящем служат доминирование идеологии одной политической партии, стимулированное государством расширение зоны влияния церкви, организационные предпосылки в виде разного рода ограничений в избирательном законодательстве и другие. В то же время период замены одной идеологической системы другой, имевший место в 1990-е гг., создал условия «идеологического безвременья», своеобразного вакуума, быстро заполненного ценностями общества потребления, массовой культуры.

Изменения социально-экономических условий жизни инициируют изменения в культурной жизни, системе ценностей, в итоге – изменения в рамках модальной (по Р.Ф. Бенедикт) личности. Понятие модальной личности использовано нами вне связи с решением задачи межэтнических различий, а в качестве фундаментального свидетельства воздействия социальных условий жизни на личность в целом. При этом нужно учесть работы Т. Шварца⁸ о «распределительной модели культуры», отражающей неравномерность в распределении культуры среди населения.

Культура, рассмотренная как условие социального взаимодействия, становясь достоянием субъекта, оказывает влияние на сознание и тем самым создает условия для ког-

нитивных изменений личности. Психологический механизм этих изменений, на наш взгляд, связан с двумя существенными моментами в познании. Первый из них заключен в способности человека к раскрытию все новых свойств и особенностей познаваемого объекта, второй – в коллективном характере познания.

В опубликованных в 2001 г. материалах бесед Ж. Пиаже с Ж. Брангье Пиаже заметил: «Объект, в который мы верим и которым можем овладеть, есть лишь то, что представлено в сознании и интегрируется интеллектом субъекта <...> Вы всегда приближаетесь и никогда не достигаете объекта потому, что для того, чтобы достичь его, вы обязательно должны схватить бесконечное число его свойств...»⁹.

Второй связан с социальным характером познания. Например, А.А. Митькин, излагая свою позицию по проблеме субъектности, отмечает её связь с решением социальных задач: «"Мыслящий субъект" никогда не мыслит строго индивидуально, изолированно <...> Его мыслительный процесс фактически всегда включен в совместный интеллектуальный анализ»¹⁰.

Н.Д. Павлова¹¹ при исследовании понимания предвыборных выступлений политиков столкнулась с тем, что респонденты (ими были студенты) часто отражали в своих отчетах то, что не наличествовало в выступлении политика. Они называли как воспринятые ими интенции, которых не было в реальном политическом дискурсе: стремление к личной выгоде, желание скрыть от избирателей личные мотивы, стремление победить на выборах.

В реальности подобной атрибуции мы убедились, например, в ходе проведенной нами в сентябре 2008 г. фокус-группы в г. Ртищево Саратовской области. При ведении группы был затронут вопрос об отношении к власти разного уровня. Основные претензии участников были обращены к местной власти: «Всё в свои ручки-то местная власть к себе гребет. Областная им что-то там надаёт, а они все жим-жим себе», «Слабый контроль верхов», «Местная власть организует все под себя», «У нас если к власти придет

человек, не угодный Санинскому (А.П. Санинский – руководитель района), он работать здесь не будет. Он уберет депутата», «Санинский здесь непререкаемый авторитет», «Деньги он миллиардами ворочает. Авторитет!». Все попытки модератора найти объективные основания оценки оказались нерезультативными. Участники группы руководствовались генерализованными представлениями о местной власти, возникшими, судя по содержанию, в постсоветское время.

Раскрытие новых сторон и свойств объекта инициируется реалиями новой культуры, в частности или/и изменением социальной ситуации жизни и развития в целом. Ранее скрытые от восприятия стороны познаваемого оказываются доступными и даже доминирующими, что, на наш взгляд, нуждается в эмпирическом подтверждении. Постановка прямого эксперимента в данном случае невозможна, так как нельзя рандомизировать условия эксперимента из-за необходимости включения в число испытуемых людей одного и того же возраста, этнической, историко-культурной и региональной принадлежности, жизненный путь и формирование личности которых при этом одновременно проходил в разных социально-экономических ситуациях.

Исследовательской целью данной работы послужило сравнение особенностей восприятия молодых людей, формирование личности которых проходило в принципиально разных социально-экономических условиях. Обращение к восприятию как объекту исследования обусловлено относительной независимостью результатов перцепции от непосредственного влияния социально-нормативной базы. Актуальность исследования состоит в необходимости пополнения экспериментальных данных, подтверждающих положение культурно-исторической концепции.

Логика исследования заключалась в сравнении результатов двух одинаковых практически по всем параметрам исследований восприятия, проведенных с разрывом в 21 год – в 1985 и в 2006 г., испытуемыми в обоих случаях были студенты физфака СГУ (возраст – 20–21 год, 200 испытуемых), не просто принадлежавшие к разным поколениям, а сформировавшиеся как личности в

принципиально различных социально-экономических условиях. Стимульный материал – 147 карточек одного размера с монохромными контурными неопределенными (не изображающими конкретный предмет) изображениями (подготовлен с учетом работы Е.Ю. Артемьевой)¹². Отбор стимульного материала был произведен из более чем 1000 изображений, которые были сделаны 300 студентами физического факультета СГУ в 1984 г. с инструкцией сделать одноцветный рисунок замкнутого контурного характера, без штриховки и полутонов, не изображая конкретный объект.

Цель исследований – выявить различия в оценке изображений неопределенной формы у испытуемых, относящихся к разным поколениям. В 2006 г. были воссозданы внешние условия исследования 1985 г.

Выбор специальности, по которой обучались испытуемые, обусловлен тем, что представленность в учебном плане факультета обществоведческих дисциплин значительно меньше, чем на гуманитарных факультетах, учебные и профессиональные интересы студентов, как правило, мало связаны с политикой, идеологией.

При разработке методики учитывались представления Л. Заде¹³ о нечетких множествах. По мнению Л. Заде, введение лингвистической переменной дает возможность эффективного отображения неточностей и неопределенностей реального мира. В нашем случае детальная измерительная процедура породила бы обилие значений зависимой переменной, не связанных столь же определенно с результатами восприятия настолько, насколько субъективный образ неопределенного по форме изображения связан с воспринимаемым.

Инструкция испытуемому: «Какие из данных изображений, на Ваш взгляд, являются приятными, а какие – неприятными?». Карточки предъявлялись в случайной последовательности.

Для краткости дальнейшего изложения исследование 1985 г. далее будет называться первым, 2006 г. – вторым. В проведении второго исследования принимала участие О.В. Захаренко. По результатам оценивания

по выборке в целом каждое изображение было классифицировано как «хорошее» (если положительные оценки доминировали над отрицательными), «плохое» (если преобладали отрицательные оценки) или «нейтральное» (при равном количестве положительных и отрицательных оценок).

Во втором исследовании из 147 изображений «хорошими» оказались 65 (44%), «плохими» – 79 (54%), «нейтральными» – всего 3 (2%), в первом исследовании: «хорошие» изображения – 31 из 147 (21%), «плохие» – 112 (77%), «нейтральные» – 3 (2%). Налицо значительное увеличение числа положительных оценок во втором исследовании по сравнению с первым.

Далее, приписав каждому случаю положительной оценки весовой коэффициент, равный единице, отрицательной – 0, получим возможность измерить степень приятности изображений X . Для «хороших» изображений $X > 50$ (при $X \geq 75$ – «очень хорошие»), для «плохих» изображений $X < 50$ (при $X < 25$ – «очень плохие»), для «нейтральных» – $X = 50$.

Так, во втором исследовании из 65 «хороших» изображений «очень хорошими» оказались 12, из 79 «плохих» изображений – 8 «очень плохих». В первом исследовании «очень плохих» изображений оказалось 54 (т.е. почти в 7 раз больше, чем во втором исследовании).

Характерно, что «очень хороших» изображений ($X \geq 75$) в первом исследовании не оказалось вовсе. Однако большинство изображений, получивших статус «очень хороших» во втором исследовании, и в первом были оценены сравнительно высоко ($X \geq 60$). Во втором исследовании, по сравнению с первым, оценка 38 изображений изменилась с отрицательной на положительную, с положительной на отрицательную – всего двух.

Особый интерес представляют изображения, оценки которых во втором исследовании отличаются от оценок, которые наблюдались в первом исследовании не более чем на 5 (т.е. обе группы испытуемых оценили их приблизительно одинаково). Таковых оказалось 20, и в их числе всего 7 «хороших» изображений, причем ни одного «очень хо-

рошего», остальные 13 – «плохие» (в частности, 5 изображений из 8 «очень плохих»). Т.е. представление о том, какое изображение является «плохим», оказывается более четким и устойчивым, чем то, какое является «хорошим».

Эмоциональное оценивание, по мнению Е.Ю. Артемьевой, проходит две стадии, на первой из которых выясняется отношение субъекта и объекта, на второй стадии происходит поаспектное анализирование объекта классифицирующими системами. М.Б. Арнольд¹⁴, которая ввела понятие оценки в академическую психологию, показала, что интуитивная спонтанная оценка подкрепляется у взрослых продуманным ценностным суждением. В связи со сказанным эмоциональное оценивание не может быть сведено к отношению субъекта и объекта и имеет две стороны, одна из которых связана с рациональным компонентом. Рациональное суждение возможно лишь по отношению к реальному или виртуальному объекту, в этом случае оно становится именно суждением. Если неопределенный объект обозначается, то выявление соотношения между степенью сходства неопределенного по исходному замыслу изображения с конкретным предметом, с одной стороны, и его эмоциональной оценкой – с другой открывает возможность получения сведений о причинах тех различий, которые нам удалось выявить при сравнении результатов двух исследований. Следует отметить, что при исследовании 1985 г. наблюдалось, что большинство «очень хороших» изображений вызывают выраженную ассоциацию (сходство) с каким-либо предметом. Для эмпирической проверки этого наблюдения было проведено дополнительное исследование, при котором те же изображения оценивались с точки зрения их «похожести» и «непохожести» на конкретный предмет. Исследование проводилось с теми же условиями, что и основное.

Как показала обработка, из 147 изображений в группу «похожих» на предмет попали 93 (63%), в группу «непохожих» на предмет – 53 (36%).

Статистическая обработка выявила сильную взаимосвязь между степенью при-

ятности изображений (данные 2006 г.) и их «степенью похожести» (коэффициент равен 0,987719), что дает основание считать, что зависимость между оценкой изображения как приятного и его оценкой как «похожего» на предмет существует. В 1985 г. исследование на выявление «похожести» изображений не проводилось, поэтому нельзя утверждать, каким было её влияние на оценку. В то же время статистический анализ показал, что существует сильная взаимосвязь между оценками приятности изображений в первом и втором исследованиях (коэффициент 0,9). То есть, несмотря на существенное увеличение числа положительных оценок, сохранилась общая структура массива оценок, в связи с чем можно допустить, что и в первом исследовании могла быть обнаружена та же зависимость оценки изображения как приятного или неприятного от его «похожести» или «непохожести» на предмет. Судя по результатам второго исследования, произошло расширение перцептивного поля, т.е. испытуемые стали «видеть» предметы там, где раньше их «не видели». Можно утверждать, что произошла своего рода прагматизация восприятия (ведь даже в бессмысленных фигурах испытуемые стали искать и находить предметы).

Подводя итоги, можно утверждать следующее.

В результате исследований 1985 и 2006 гг. выявлено, что существует характерное различие в оценках неопределенных изображений. В частности, при исследовании 2006 г. общее количество положительных оценок увеличилось более чем в 2 раза; структура массива оценок по сравнению с более ранним исследованием изменилась незначительно; выявлена значимая корреляция между их похожестью на конкретный предмет и оценкой этих изображений как приятных; констатируется увеличение разброса оценок, что, на наш взгляд, свидетельствует об усилении роли индивидуально-психологических факторов оценки в сравнении с нормативными; оценки стали более прагматичными.

Наиболее вероятным объяснением экспериментально выявленных сдвигов в оценках использованных при исследовании изо-

бражений служит влияние на перцептивную сферу личности изменений, произошедших в общественной и социально-политической жизни. Эти изменения связаны с проявлением большей свободы, демократичности, толерантности, индивидуализма испытуемых 2006 г., три четверти жизни которых пришлось на период начала становления демократии в стране.

Выявленный нами факт удвоения количества положительных эмоциональных оценок современными студентами по сравнению со студентами 1985 г. с учетом высокой роли предметности изображений указывает на то, что современные студенты являются также в значительно большей степени прагматиками. Это объясняется тем, что влияние массовой культуры, доминирование материальных факторов в современной жизни, приоритет материальных ценностей над духовными как основа жизни современного человека ставит его перед необходимостью перцептивного поиска предметной основы и в случае неопределенных ситуаций. У поколения конца XX – начала XXI в. произошло повышение толерантности к неопределенности, причем компенсирующим неопределенность фактором служит приписывание свойства быть предметом чему-то объективно неопределенному, своего рода «опредмечивание» непонятной ситуации. При этом, как показали исследования, чем более успешно происходит это приписывание, тем более вероятно положительная эмоциональная оценка воспринятого.

В одной из работ А.Н. Леонтьева дана формула взаимодействия человека с миром: «Деятельность необходимо вступает в практические контакты с сопротивляющимися человеку предметами, которые отклоняют, изменяют, обогащают её <...> Именно во внешней деятельности происходит размыкание круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному предметному миру, властно врывающемуся в этот круг»¹⁵.

Можно утверждать, что поколение XXI в. более динамично во взаимодействии с миром, что создает соответствующие условия при определении предмета собственных потребностей. Принадлежащие к этому поко-

лению молодые люди имеют возможность быстрее, чем их сверстники 1980-х гг., конкретизировать жизненные цели. В то же время у нового поколения конкретизация этих целей происходит не столь основательно и с беспристрастной, осторожной оценкой ситуации, что было характерно для предыдущего поколения.

Можно допустить также, что удалось выявить психологические изменения, которые произошли под влиянием изменения условий общественной жизни человека, получить данные в пользу культурно-исторической концепции развития психики.

Примечания

¹ Лурья А.Р. Об изменчивости психических функций в процессе развития ребенка // Вопр. психол. 1962. №3. С.8.

² См.: Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.

³ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. С.131.

⁴ См.: Барабаничиков В.А. Восприятие и событие. СПб., 2002.

⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 2006. С.171.

⁶ Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984. С.68.

⁷ Зинченко В.П. Общество на пути к человеку психологическому // Вопр. психол. 2008. №3. С.4.

⁸ Schwartz T. Anthropology and Psychology: an Unrequited Relationship. Is Psychoanalysis relevant for Anthropology // Schwartz T., White G.M., Lutz C.A. New Direction in Psychological Anthropology. Cambridge, 1992.

⁹ Брандье Ж.К. Беседы с Жаном Пиаже // Психол. журн. 2001. Т.22. С.122.

¹⁰ Митькин А.А. Субъектность человека: грани и границы: В 2 ч. Часть 2 // Психол. журн. 2008. Т.22, №4. С.42.

¹¹ Павлова Н.Н. Предвыборные выступления и понимание интенций политиков избирателями // Вопр. психол. 2008. №1.

¹² Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980.

¹³ Заде Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М., 1976.

¹⁴ Арнольд М.Б. Чувства и эмоции как динамические факторы интеграции личности // Психология эмоций: Хрестоматия / Авт.-сост. В. Вилюнас. СПб., 2006.

¹⁵ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С.92.